

Д.С. Блекки

**Четыре фазиса
нравственности: Сократ,
Аристотель, Христианство,
Утилитаризм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Д11

Д11 **Д.С. Блекки**
Четыре фазиса нравственности: Сократ, Аристотель, Христианство, Утилитаризм / Д.С. Блекки – М.: Книга по Требованию, 2016. – 423 с.

ISBN 978-5-458-15395-9

ISBN 978-5-458-15395-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

былъ поэтъ, по темпераменту и по умственному складу всегда склонный создавать систему; для изложенія своихъ собственныхъ умозрѣній онъ избралъ цѣлую серію драматическихъ діалоговъ, въ которыхъ главнымъ говорящимъ лицомъ является Сократъ, и мы должны осторожно отличать безспорные факты жизни Сократа, приводимые въ его сочиненіи, отъ ученія, влагаемаго Платономъ въ его уста.

Относительно фактовъ мы можемъ съ полнѣйшимъ довѣріемъ относиться къ свидѣтельству Платона, какъ современнику и авторитету; что же касается до ученія, то мы постоянно должны быть на-сторожѣ; и дѣйствительно я по крайней мѣрѣ нахожу благоразумнымъ никогда не принимать такихъ положеній Платона относительно ученія Сократа, на которыхъ нѣтъ ясныхъ указаній у Ксенофонта. Послѣдній, какъ человѣкъ менѣе оригинальный, чѣмъ Платонъ, представляя собою пріятнаго и изящнаго писателя вродѣ Адиссона, именно въ силу этого былъ чуждъ всякаго искушенія или вѣрнѣе даже неспособенъ былъ вставлять въ свой рассказъ о философѣ что-либо, не соотвѣтствующее дѣйствительности. Онъ былъ простой человѣкъ, не имѣвшій никакихъ теорій, которыя онъ желалъ бы отстаивать и никакихъ претензій на оригинальность, и лучшаго и болѣе правдиваго свидѣтеля того, что онъ слышалъ и видѣлъ трудно желать. Поэтому мы заимствуемъ нащъ очеркъ жизни и

ученія великаго аѳинскаго проповѣдника изъ прекрасной книги Ксенофонта и обращаемся къ Платону только въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя заподозрить, чтобъ онъ пользовался уважаемымъ своимъ учителемъ просто какъ драматическимъ средствомъ или когда его болѣе сильныя литературныя дарованія давали ему возможность нарисовать болѣе яркую картину.

Вѣкъ Сократа былъ вѣкомъ Перикла, временемъ высшаго разцвѣта аѳинской славы; Сократъ былъ современникомъ Еврипида, Софокла, Геродота, Фукидида, Гиппократа, Демокрита, Анаксагора, Аристофана, Фидія и принимая участие во всѣхъ выдающихся явленіяхъ своего времени, возрастая вмѣстѣ съ его величіемъ, разцвѣтая съ его разцвѣтомъ, онъ по волѣ беспощадной судьбы, принужденъ былъ покинуть арену жизни не прежде наступленія мрачныхъ первыхъ тѣней, ознаменовавшихъ паденіе Аѳинъ. Военное тщеславіе, составляющее язву какъ демократіи, такъ и аристократіи, побудило аѳинянь во второй половинѣ пятаго столѣтія до Р. Х. предпринять отдаленную экспедицію, сломившую ихъ энергію и истощившую ихъ средства; Сократу пришлось пережить все это, равно какъ и рѣзкія революціонныя перемѣны, возникшія благодаря только что упомянутымъ событіямъ и за нѣсколько лѣтъ до своей смерти видѣть, какъ гордыя Аѳины Перикла лежали распростертыми у ногъ Лизандра и грубой олигархіи Лакедемона. Сократъ ро-

дился въ 469 году до Р. Х., чрезъ одиннадцать лѣтъ послѣ морской битвы при Саламинѣ, освободившей навсегда Европу отъ ужаса азіатскаго рабства и когда блестящая, но скромная политика Перикла положила начало длиннаго и счастливаго періода процвѣтанія Аѳинъ. Въ это время Симонидъ и другіе великіе поэты, видѣвшіе и воспѣвавшіе славныя побѣды Марафонской и Саламинской битвъ, покидали арену; но память объ этихъ патріотическихъ подвигахъ горячо еще заставляла биться сердце каждаго аѳинянина и вмѣстѣ съ зародившимися новыми стремленіями содѣйствовала тому, что атмосфера, окружавшая юность философа, была крайне благоприятна для умственнаго и общественнаго прогресса. Побѣды демократіи при Марафонѣ и Саламинѣ придали среднимъ и низшимъ классамъ аѳинскаго общества такое важное значеніе, что невольно рухнули препятствія, которыя прежняя аристократическая исключительность могла бы предъявить личности, не занимавшей никакого выдающагося положенія; такъ что Сократъ, сынъ простаго скульптора, не происходившій, какъ Платонъ, отъ древней аѳинской аристократіи, тѣмъ не менѣе имѣлъ, повидимому, вполне свободный доступъ въ общество самыхъ избранныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей своего вѣка. Его мать, какъ самъ онъ сообщаетъ, была „вполнѣ достойная и достойная *μαίη* т. е. повивальная бабка—„мудрая женщина“, какъ на-

зываютъ ихъ французы, занимавшаяся ремесломъ, въ которомъ вполне естественно, чтобъ женщины были особенно мудры; звали ее Фенарета, но очевидно, что съ аристократической точки зрѣнія она занимала ничтожное положеніе. Что же касается до профессіи самого Сократа или до того, чѣмъ онъ поддерживалъ свое существованіе, то къ сожалѣнію мы ничего относительно этого не знаемъ, хотя это важный вопросъ въ жизни cadaго общественнаго дѣятеля. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ ранней молодости онъ тоже занимался ваяніемъ, и это могло подать поводъ къ предположенію, упоминаемому у Павзанія, что группа грацій, приходя въ Пропилеи, была его произведеніемъ, но ни у Ксенофонта, ни у Платона нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, чтобъ онъ продолжалъ заниматься этимъ или другимъ какимъ либо искусствомъ и въ послѣдующій періодъ жизни. Итакъ у него не было никакой профессіи, а такъ какъ онъ своей философіей денегъ не зарабатывалъ, то приходится заключить, что у него осталось послѣ отца или послѣ кого нибудь изъ родственниковъ небольшое наслѣдство, на которое онъ и могъ жить. Что онъ былъ страшно бѣденъ, это мы знаемъ, какъ изъ Ксенофонта, такъ и изъ его собственныхъ показаній на судѣ. Намъ извѣстно также, что онъ отличался замѣчательной простотой и невзыскательностью, проживалъ мало денегъ и не добивался большаго. Безъ сомнѣнія, въ его

положеніи онъ могъ бы получать много денегъ, если бь хотѣлъ, но онъ прямо говоритъ, что отказывался отъ всѣхъ предложеній увеличить его доходы, чтобъ имѣть возможность всецѣло отдаться великому дѣлу своей жизни. Какъ бы то ни было, но при его философскихъ взглядахъ на внѣшнія удобства и величіе, онъ, повидимому, былъ достаточно богатъ, чтобъ жить прилично съ женой и съ семьей. Жена его была извѣстная Ксантипа, не вполне пріятная подруга, но, можетъ быть имѣвшая, съ ея точки зрѣнія, нѣкоторыя основанія ссориться съ мужемъ, выказывавшимъ полнѣйшее равнодушіе къ успѣху въ свѣтѣ и къ улучшенію домашней обстановки. По словамъ Сократа, жена его, отличаясь замѣчательной строптивостью характера, тѣмъ самымъ была наиболѣе пригодна какъ супруга философа или чтобъ сдѣлать мужа философомъ; какъ человекъ, желающій стать ловкимъ наѣздникомъ, выбираетъ не самое кроткое и послушное животное, но наиболѣе норовистое, такъ и мужъ, желающій умѣть управлять женой долженъ выбирать такую, съ которой нелегко, а трудно ладить. Въ подтвержденіе справедливости такой характеристики жены Сократа мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство Ксенофонта; у Платона нигдѣ о ней не упоминается. Но каковъ бы ни былъ ея характеръ, Сократъ во всякомъ случаѣ не считалъ его такимъ дурнымъ, чтобъ оправдывать возможность

со стороны его сыновей относиться къ ней не съ должной любовью и почтеніемъ; „если, говорилъ философъ, она иногда немного сердита, то для вашей же пользы, и всегда есть основаніе ея упрекамъ, которыя разумный сынъ обязанъ признавать“.

Не имѣя спеціальныхъ занятій или опредѣленной профессіи, Сократъ могъ бы прослыть въ Аѣинахъ за лѣнтяя, за бездѣльника, шатающагося по улицамъ и за публичнаго болтуна, не существуя въ это время цѣлаго класса людей, выдававшихъ себя за учителей краснорѣчія и всякой мудрости. Это были софисты т. е. ни болѣе ни менѣ какъ профессора или преподаватели мудрости. Сократа, какъ и этихъ людей, можно было всегда встрѣтить на улицахъ и публичныхъ площадяхъ Аѣинъ, разговаривающими съ умными молодыми людьми и публично спорящими относительно всевозможныхъ отвлеченныхъ и практическихъ вопросовъ, такъ что по внѣшности онъ казался большинству простымъ софистомъ; дѣйствительно, что рѣдко кто старается уяснить себѣ, насколько два человѣка, борющихся однимъ и тѣмъ же оружіемъ и одинаково примѣняющихъ его, могутъ защищать очень различныя вещи и принадлежать къ діаметрально противоположнымъ лагерямъ, добиваясь далеко несходныхъ результатовъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: въ то время какъ большинство софистовъ учило краснорѣчію, какъ ремеслу, и логика служила

имъ только для ловкаго умѣнія защищать свои мысли, Сократъ проповѣдовалъ добродѣтель какъ высшее назначеніе человѣка, а упражненіе въ правильномъ мышленіи какъ единственный способъ достигнуть ея. Мы говоримъ „назначеніе“, не какъ модное теперь слово, но какъ вполне точно выражающее нашу мысль, потому что и изъ его рѣчи на судѣ и изъ многихъ мѣстъ, встрѣчающихся у Ксенофонта, мы ясно видимъ, что онъ главнымъ образомъ посвятилъ себя самоусовершенствованію прежде всего и затѣмъ улучшенію своихъ согражданъ съ полнѣйшей самоотверженностью человѣка, глубоко проникнутаго убѣжденіемъ, что къ этой задачѣ онъ предназначенъ самимъ Богомъ и не можетъ пренебрегать своей высокой миссіей. Когда Сократъ говоритъ объ ней, то по тону напоминаетъ апостола Павла, восклицающаго: „горе мнѣ, если не благовѣствую“. Нѣкоторые писатели, пытаясь указать тотъ человѣческій источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ идею о своемъ призваніи, указывали на Анаксагора и на другихъ; но ни малѣйшаго намека на это мы не находимъ ни у Платона ни у Ксенофонта; да и довольно нелѣпо отыскивать учителя для человѣка безусловно самобытнаго и который всегда рѣзко и рѣшительно возставалъ противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Мы можемъ во всякомъ случаѣ быть увѣрены, что въ нравственной философіи, составлявшей сущность ученія Сократа, у него не было иныхъ

учителей кромѣ его самого (что онъ у Ксенофонта опредѣленно и высказываетъ) и Бога, Котораго онъ всегда признавалъ источникомъ своихъ возвышенныхъ вдохновеній; относительно же другихъ предметовъ онъ прошелъ обычную школу всѣхъ аѳинскихъ юношей: учился музыкѣ, поэзіи, гимнастикѣ и кромѣ того немного математикѣ, которая со времени Талеса (600 до Р. Х.) и Пифагора (550 до Р. Х.) занимала видное мѣсто при высшемъ образованіи аѳинянъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній относительно того, когда онъ занялъ выдающееся положеніе въ качествѣ публичнаго наставника мудрости и добродѣтели; но, судя по его скромности и серьезности, равно какъ и въ силу того, что онъ долго, спокойно отыскивалъ истину, интересовавшую его съ самыхъ раннихъ лѣтъ, судя по всему этому, говорю я, естественно предположить, что онъ не вдругъ сталъ извѣстенъ, а постепенно, шагъ за шагомъ приобрѣталъ познаніе высшей мудрости, которой и дельфійскій оракулъ не утратилъ признанія за нимъ. Достоверно, что въ 423 г. до Р. Х., когда ему было около сорока семи лѣтъ, онъ уже игралъ такую выдающуюся роль въ Аѳинахъ, что выведенъ былъ въ одной изъ комедій, какъ представитель софистовъ, съ которыми поверхностный наблюдатель легко могъ его смѣшать. Мы должны поэтому предположить, что его репутація, какъ великаго общественнаго оратора, устанавливалась постепенно вплоть до этого

періода. Будь онъ даже съ менѣе оригинальнымъ талантомъ, его своеобразная наружность и характеръ безъ сомнѣнія все-таки обратили бы на него общее вниманіе юношества дѣловито-празд-ной аѣинской республики. Фигура его и манеры были такъ же оригинальны, какъ и его ученіе; и, по общему мнѣнію, онъ являлся тѣмъ *ἀτοπος* или тою эксцентричною личностію, къ которой никто не зналъ, какъ въ сущности нужно относиться. Черты его лица, рѣзко противоположныя классическимъ, хорошо знакомы всѣмъ посѣтителямъ нашихъ общественныхъ музеевъ и тщательно къ тому же описаны обоими его знаменитыми учениками. Онъ своей наружностію напоминалъ Силена или Сатира: приплюснутый и вздернутый къ верху носъ, большіе глаза на-выкатъ, мясистыя губы, и въ старости, какъ видно на памятникахъ, совсѣмъ голый черепъ, вотъ его отличительныя черты; однако всѣ эти недостатки даже въ глазахъ такихъ поклонниковъ красоты, какими были аѣиняне, отнюдь не умаляли очарованія бесѣдъ Сократа и мощи его рѣчи, потому что, какъ говоритъ Алкивіадъ въ діалогахъ Платона, гдѣ онъ является однимъ изъ выдающихся лицъ, Сократъ былъ Сатиромъ только по наружности, душа же его полна была чудныхъ божественныхъ образовъ и представленій, подобно извѣстнымъ фигурамъ, выставляемымъ въ лавкахъ продавцовъ статуй; фигуры эти имѣютъ видъ Силена, но внутри ихъ находятся музыкальныя трубы и ме-

ханизмъ, при помощи котораго получаютъ прекрасные священные образы и звуки. Такъ что недостатки Сократа, какъ это часто случается съ мудрыми людьми, послужили ему на пользу, и его оригинальная фізіономія вызывала пріятное удивленіе у всѣхъ, вступавшихъ съ нимъ въ бесѣду. Сильно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ великаго англійскаго поэта, очень чувствительнаго къ своей хромотѣ, аѳинскій философъ самъ шутилъ надъ своимъ неклассическимъ носомъ, говоря, что если бъ носы цѣнились по ихъ дѣйствительному достоинству, т. е. поскольку они пригодны для выполненія своего назначенія, то его органъ обонянія оказался бы имѣющимъ громадное преимущество передъ носами, имѣющими такъ называемую классическую форму, такъ какъ верхній загибъ его широко открытыхъ ноздрей дѣлаетъ ихъ болѣе пригодными воспринимать запахъ со всѣхъ сторонъ, а сравнительная плоскость верхней части носа содѣйствовала болѣе широкому простору зрѣнія; выпуклость его глазъ еще болѣе чѣмъ строеніе его носа, помогала ему видѣть не только то, что было передъ нимъ, какъ это свойственно всѣмъ глазамъ, но и все по бокамъ и даже все кругомъ, такъ что онъ могъ видѣть, когда никто и не подозрѣвалъ, что онъ смотритъ.

Но не одна его своеобразная внѣшность, а и веселый его характеръ и его мудрость, приправляемая остротами, дѣлали изъ него человѣка,